

затруднительных случаях рентгенодиагностика огнестрельного остеомиелита получает существенное обогащение благодаря применению фистулографии.

Выводы. Прогноз огнестрельных поражений костей в значительной степени зависит от рентгенодиагностики. Рентгенологическое исследование является неотъемлемой составной частью общеклинического и специально хирургического исследования раненого, получившего огнестрельные травмы опорно-двигательного аппарата.

Литература:

1. Военно-полевая хирургия локальных войн и вооруженных конфликтов: Руководство для врачей /Под редакцией Е.К. Гуманенко, И.М. Самохвалова – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2011. – 672с.
2. Линденбратен, Л.Д. Очерки истории российской рентгенологии /Л.Д. Линденбратен. – М.: изд-во Видар, 1995. – 288с.
3. Иоффе, А.Ф. Избранные труды. Том 1 /А.Ф. Иоффе. – Л.: изд-во Наука, 1974. – 327с.
4. Военно-полевая хирургия: национальное руководство /Под редакцией И.Ю. Быкова, Н.А. Ефименко – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2009. – 816с.
5. Рейнберг, С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов /С.А. Рейнберг. – М.: изд-во Медицина, 1964. – 530с.

**«ЖИЗНЬ – ОДНА, И СМЕРТЬ – ОДНА»
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО**

Валиев Батыр, 3 к.,1 гр., ФИУ

УО «Гродненский государственный медицинский университет»

Кафедра русского и белорусского языков

Научный руководитель – заведующая кафедрой Мельникова А.А.

Первое утро Великой Отечественной войны застало Твардовского в Подмоскovie, в деревне Грязи Звенигородского района, в самом начале отпуска. Вечером того же дня он был в Москве, а сутки спустя – направлен в штаб Юго-Западного фронта, где ему предстояло работать во фронтовой газете «Красная армия».

Некоторый свет на жизнь поэта во время войны проливают его прозаические очерки «Родина и чужбина», а также воспоминания Е. Долматовского, В. Мурадяна, Е. Воробьёва, О. Верейского, знавших Твардовского в те годы.

Редакция газеты Юго-Западного фронта, в которой он работал, размещалась в Киеве. Приказано было не покидать город до последнего часа... Армейские части уже отошли за Днепр, а редакция всё ещё работала... Твардовский спасся чудом: его взял к себе в машину полковой комиссар, и они едва выскочили из смыкавшегося кольца немецкого окружения». Весной 1942 года он вторично попал в окружение – на этот раз под Каневом, из которого, по словам И.С. Маршака, вышел опять-таки «чудом». В середине 1942 года Твардовский был перемещён с Юго-Западного фронта на Западный, и теперь до самого конца войны его родным домом стала редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда». Стала она родным домом и легендарного Тёркина.

По воспоминаниям художника О. Верейского, рисовавшего портреты Твардовского и иллюстрировавшего его произведения, «он был удивительно хорош собой. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией и узкими бёдрами. Держался он прямо, ходил, расправив плечи, мягко ступая, отводя на ходу локти, как это часто делают борцы. Военная форма очень шла ему.

Держался Александр Трифонович всегда естественно, спокойно, чуть замкнуто. Очень не любил делиться «секретами» своей «творческой лаборатории» и сердился, когда кто-либо пытался бесцеремонно в них проникнуть. Никогда не терял самообладания, не позволял себе «срываться», не допускал и мысли о том, чтобы как-нибудь злоупотребить своим положением литературной знаменитости, но с непосредственным начальством держался совершенно независимо, без тени угодничества или заискивания. Писатель Е. Воробьёв, проживший бок о бок с Твардовским почти три военных года, свидетельствует: «Когда Твардовский сталкивался с неуважительным отношением к себе или к своим товарищам, с бездушием, формализмом, хамством, он отвечал молчаливым презрением, сдержанным негодованием. За три года не

припомню случая, чтобы он невежливо разговаривал с подчинёнными, с теми, кто был ниже его по званию».

Во время войны выявилась ещё одна характерная черта Твардовского: он не только никогда не щеголял своей храбростью, но, напротив, нередко подчеркивал те моменты, когда испытывал чувство страха. Вот, например, его запись о поездке в Гродно: «В городе продержались мы с редактором часа два, делая по возможности вид друг перед другом, что страшно нам не очень. А было очень страшно, томительно до утомления. Уже не испытываешь ни малейшего любопытства, томишься собственной неприкаянностью, праздностью здесь, где идёт тяжелое дело, которым люди занимаются по прямому долгу». А в заметке о взятии Вильнюса сказано не без некоторой даже самоиронии: «...Мы, корреспонденты, сидели километрах в трёх-четырёх в штабе дивизии, с профессиональной бессовестностью ожидая, когда можно будет въезжать в Вильнюс, посмотреть, поснимать и поспешить обратно».

На самом же деле это был человек недюжинной личной храбрости. По свидетельству А. Аборского, который в 1952 году вместе с поэтом отдыхал в Гаграх, во время шестибалльного шторма Твардовский «бросался в мутные, ревущие волны, заплывал километра на полтора от берега, тогда как другие, причём отличные пловцы, боялись даже приблизиться к воде». Е.А. Долматовский, близко знавший Твардовского в первый год войны, пишет о нём: «Он спокойно и с достоинством выходил под огонь, когда этого требовали обстоятельства».

В 1944 году вся редакция «Красноармейской правды» вошла в состав 3-го Белорусского фронта. Вместе с бойцами и офицерами этого фронта Твардовский и встретил День Победы.